

ВОЗВРАТНЫЕ ПРОЦЕССЫ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.

Илларионов Г.А.

Научный руководитель – доктор философских наук, Кудашов В.И.

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

В современном мире парадоксальным образом сочетаются две глобальные тенденции, носящие противоположный характер. С одной стороны, наблюдаются укрепление связей между государствами, регионами, культурами, усиливается взаимопроникновение культур, наблюдается своего рода «культурная стандартизация». С другой стороны, происходит нарастание культурной дифференциации и дезинтеграции. Вторая тенденция в мировом масштабе связана с усилением интереса к определенным исторически устойчивым формам идентичности: гендерной, социальной, этнической, религиозной и т.д., присущими определенным культурным общностям. Данный процесс в социально-политической практике неизменно связывается с «возвращением к традиции», возврату к исторически и культурно значимым формам социального бытия в противовес стандартизированной универсальной культуре постмодернизма.

Проблема возвратных процессов традиционализма не получила в современности должного осмысления. Плюрализм позиций, от модернизма, рассматривающих традицию как архаичную статичную форму социального бытия, до традиционализма, позиционирующих традицию как изначальную сакральную метафизическую парадигму, свидетельствует как о научной значимости тема, так и о ее недостаточной ясности самого понятия традиции в современной мысли.

Таким образом, научная проблема, стоящая перед нами – объяснение причин, сущности и перспектив возвратных процессов традиционализма в современном мире.

В 1970 году, американский мыслитель Э.Торфлер в своей книге «Шок будущего» ввел в оборот новый термин, совпадающий с названием книги. Шоком будущего была названа реакция человека на слишком быстро изменяющийся мир, несоответствия между реальностью и субъективным ее ощущением индивидом. Шок будущего, начавшийся у человечества еще во времена Торфлера, лишь усилился к современности. Чрезвычайно быстрая изменчивость устойчивых форм социального бытия, систем общественной организации, способов мышления привела к мировоззренческому синкретизму и расщеплению идентичности в обществах, наиболее далеко зашедших на пути модернизации.

Системное осмысление данной проблема в современной науке и философии не имеет. Существует множество теорий, объясняющих суть данной проблемы с частно-дисциплинарных позиций – с позиций политологии, психологии; и ряд традиционалистских трактовок, рассматривающих проблему с метафизической, и в случае русского традиционализма, геополитической перспектив. Общефилософское осмысление проблемы «возврата к традиции» является крайне малоразработанной темой, что и придает ей чрезвычайную актуальность.

Суть проблемы лежит в глубинной потребности человека – стремлению к уподоблению, поиска объекта отождествления себя. Индивид, находясь в мире вещей и явлений, которые он не в состоянии постичь, не может самостоятельно определить свое место и назначение. Ему нужен ориентир, система координат, которая позволила бы человеку соотносить себя с неким образцом.

На протяжении истории человечества традиция являлась одной из ключевых систем идентичности. Однако, с наступлением «шока будущего», изменчивость мира стала столь велика, что устойчивость систем координат оказалась нарушена. Это вызвало

глубокие проблемы в обществе, где идентичность людей оказалась размыта, не стало систем координат, по которым люди измеряли свое социальное и природное бытие.

Однако этот процесс выявил другую, противоположную тенденцию. Самые широкие группы людей, тяготеющие, в силу психологических, социально-политических и исторических факторов, к определенной гендерной, этнической, политической, этической и прочим идентичностям, оказались в ситуации, которую можно назвать социально-психологическим дискомфортом. Подобная ситуация положила начало возвратным процессам, процессам «ренессанса традиционализма», как идеологии философского, политического и социального процесса возврата к исторически устойчивым формам социального бытия, иначе говоря традиционным формам.

Однако, встает вопрос, насколько такой возврат возможен с точки зрения самих механизмов традиции, позволяет ли онтологическая и социальная природа традиции возвращение к ней в обществах, где она уже утратила свое значение как система координат идентичности? В ответе на этот вопрос и состоит цель данного исследования.

Для ответа на этот вопрос следует прояснить – в чем состоит сущность самой традиции. В науке и философии взгляды на природу и механизмы традиции претерпели серьезную эволюцию.

Вплоть до 60-х гг. XX века в науке и философии взгляд на традицию определялся подходом, который был сформулирован М. Вебером. Он противопоставлял традицию, традиционные институты и модели мышления модернизации и рационализации, соответственно, традиция и модернизация рассматривались как противоположности. Интерес исследователей того времени сосредотачивался на вопросах модернизации, а потому традиция в их работах приобретала негативные черты. Данный подход считает традицию вымирающим, вытесняемым модернизацией феноменом, рудиментом, неспособным сосуществовать с современными формами организации общества.

Однако в 60-ых годах XX века взгляд на традицию, как на застывший рудимент был подвергнут критике. Первыми это сделали западные ученые-востоковеды – Л.Пай, Л.Дэспре. К 70-ым годам возникли новые теории, основывающиеся на представлении о традиции, как сравнительно неизменном культурном наследии, являющимся объектом передачи от предшествующих поколений к последующим, и составляющем основу социальной и культурной идентичности. Таких взглядов придерживаются Р. Де Андрад, Д. Бен-Амос, Э.Гидденс, Д. Гросс, А. Кребер, А. Ллойд, Б. Макдональдс, Г. Уилли, Ф. Филипс и многие другие. Противоположная теория, сложившаяся в этот же период – конструктивистская, рассматривает традицию, как динамическую реальность, создаваемую культурными и социальными элитами. Традиция в такой трактовке лишена определенного ядра и неизменного начала. Эта точка зрения представлена в работах Дж. Линнекин, М. Смит, К. Торен, Р. Хэндлера, Д. Шнайдера и др. Промежуточное положение между этими теориями занимают взгляды Ш.Айзентштадт и Э.Шилз, признающие наличие в традиции и устойчивого ядра и изменчивой периферии.

Помимо традициологии, как отдельной дисциплины, проблематика традиции затрагивается в самом широчайшем спектре социологических, антропологических, культурологических и философских исследований. Многие вопросы, связанные с традицией рассматриваются в работах крупных философов-постмодернистов (Ж. Делез, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида).

Проблемы традиций, их социальную сущность в отечественной науке рассматривали С.А. Арутюнов, Э.А. Баллер, В.Г. Бальжиев, Н.А. Бердяев, Б.М. Бернштейн, Т.Н. Бояк, Ц.Б. Будаева, С.Н. Булгаков, Л.П. Буева, В.Б. Власова, М.Н. Ефименко, М.Г. Завьялов, Н.С. Злобин, В.М. Каиров, Е.Г. Катаева, В.П. Левкович, В.А. Малинин, Э.С. Маркарян, И.В. Носова, И.И. Осинский, В.Д. Плахов, В. Розанов, Ю.Н. Сафонов, А.Г. Спиркин, Л.С. Сычева, С. Трубецкой, П.А. Флоренский, С. Франк, Л. Шестов и др.

В постсоветское время произошло включение в отечественную научную и философскую мысль идей зарубежных традиционалистов. В последнее десятилетие вклад в развитие представлений о традиции внесли представители российского традиционализма – А.Дугин, В.Арсеньев, Г.Джемаль, М.Стефанов, В.Штепа. Концепция традиции, как изначальной сакральной метафизической формы социального бытия было выдвинута в работах Р.Генона, Ю.Эволы, Ф.Шуона.

Несмотря на разницу в методологических подходах, взглядах на природу и оценку традиции, представители различных направлений смыкаются в одном – ключевой функцией и критерием традиции является преемственность. Именно преемственность позволяет идентифицировать традицию, в преемственности же, как в методе передачи социального опыта от предшествующего поколения к последующему, состоит и первичная функция традиции. Традиция является мировоззренческой системой координат, передаваемой из поколения в поколение, поэтому прочие функции, вытекающие из этого – интегративная, регулирующая, гносеологическая и другие, являются вторичными по отношению к преемственности.

Таким образом, говоря о снижении роли традиции, или даже смерти традиции, мы говорим, о прерванной преемственности, о разрыве временных межпоколенческих связей.

Относительно причин разрыва данных связей в науке и философии также нет единого времени. Так, по версии американского социолога Э.Гидденса, причина разрыва преемственности традиции лежит в усилении рефлексивности и критического отношения по отношению к традиции. В результате развития средств коммуникации в глобальном масштабе и увеличения динамики изменений в социальном бытии человек, как субъект перестает быть реципиентом традиции, получая право выбора на основе рефлексивного отношения к миру и себе.

Согласно традиционализму, любая философская парадигма, будь то прогрессизм модернизма или хаосизм постмодернизма, есть лишь идеология, частность объяснения мира человеком. Традиция же, будучи метафизической сущностью, является глубинным смыслом всего социального бытия человека, вечным, в отличие от временных идеологических частностей. С этой точки зрения, современное состояние традиции есть лишь временная историческая ошибка, проявления борьбы двух идеалов социального бытия – «Платонополиса», идеала традиционализма, жестко структурированного традицией общества, и «Дьявополиса», общества без жесткой структуры, где все «нити общества» не сходятся к единому источнику.

Относительно сущности и сути процесса «возврата к традиции» также нет единой позиции. Позиция традиционалистов проста. Ее следующим образом выразил русский традиционалист А.Дугин – «Наши предшественники, - сказал он, - старались внедрить ценности премодерна – Традиции – в мир модерна. В этом состоял смысл Консервативной Революции, а также истинный смысл советского эона, расшифрованного в национал-большевистской оптике. Но эти героические попытки потерпели поражение, хотя вместе с ними закончился и сам "модерн". Теперь мы живем в радикально новых условиях – в постмодерне. И мы должны сделать новую попытку – утвердить вечные принципы Традиции, премодерна в условиях постмодерна. С модерном все кончено, и конечно с попытками внедрить в него премодерн. Но с постмодерном все только начинается, и наше поражение отнюдь не так очевидно, как в случае с модерном. Евразийство – это сценарий альтернативного постмодерна, и мы обязаны использовать этот шанс. Для этого надо не закрываться от постмодерна, а напротив, вживаться в него, и формулировать уже в его контексте – радикально новым и онтологически и антропологически – свой собственный евразийский вектор, творить свою евразийскую сеть, конструировать свою евразийскую континентальную виртуальность» [Дугин, 2005, с. 2]

На западе рассмотрение вопросов «возврата к традиции» ведется, преимущественно, с политологической позиции, преобладает позиция, обоснованная С.Хантингтоном. Согласно этой позиции, процесс развития общества (отождествляемый с

демократизацией вследствие идеологических предпочтений ее автора) можно уподобить морским приливам и отливам. Таким образом, стремления обществ к возврату к устойчивым формам социального бытия, отличным от западного демократического постмодернизма, являются лишь временным явлением.

Оба данных подхода нельзя признать удовлетворительным вследствие их идеологической ограниченности. Они представляют собой не столько объяснения явления «возврата к традиции», сколько обоснование собственной социально-политической практики.

Автором предлагается решение данной научной проблемы, не имеющее серьезного развития в российской науке. Речь идет о взгляде на суть процесса «возврата к традициям» через призму малоизвестного в российской науке понятия «изобретения традиции».

Термин «изобретение традиции», предложенный британским мыслителем Э.Хобсбоумом, остается малоизвестным в российской науке. Хобсбоум, рассматривая современную культуру, шотландцев и ирландцев, отмечает, что «возвращение к традициям», набирающее популярность среди шотландцев и ирландцев и поощряемое британским правительством в действительности не является таковым. Эти «традиции» копируют лишь внешнюю атрибутику, эстетику реальной традиции прошлого, но в действительности является новацией. Такие «изобретенные традиции» являются нововведениями, призванными выполнять функции, утраченные традицией – придание идентичности, «системы координат», и через это - интеграцию общества. Фактически, «изобретение традиции» предполагает создание новой идентичности, призванной дать определенную устойчивую «систему координат». От самой традиции ее отличает не преемственный характер, т.е. «изобретенная традиция» не передана нынешнему поколению предыдущим, ей лишь преданы некоторые внешние ее признаки, с целью ее легитимизации. Т.е. «изобретенная традиция» это средства придать устойчивость социальному бытию, что служит двум целям – практическо-политической, т.е интеграция общества и укрепление суверенитета через определенную идентичность, и гносеологически-мировоззренческую, т.е. построение идентичности, как устойчивой мировоззренческой «системы координат» для тех, кто ее ищет. Однако, природа, механизмы и перспективы «изобретения традиции» не имеют в российской науке какого-либо адекватного осмысления.

Таким образом, мы предлагаем новый подход к решению научной и философской проблемы «возврата к традициям» через рассмотрение ее через призму «изобретения традиции». Применение данного подхода, по нашему мнению, позволит далеко продвинуться в решении важнейшей проблемы современности – пониманию сущности процесса «возврата к традиции», а дальнейшая разработка данного подхода позволит оценить перспективы и возможности того, насколько возможна традиционность в современном мире, есть ли перспектива придания устойчивости обществу через «изобретение традиции», и возможно ли превращение «изобретенной традиции» в традицию настоящую, т.е. насколько успешна может быть попытка искусственного придания устойчивой идентичности обществу, ее потерявшему.